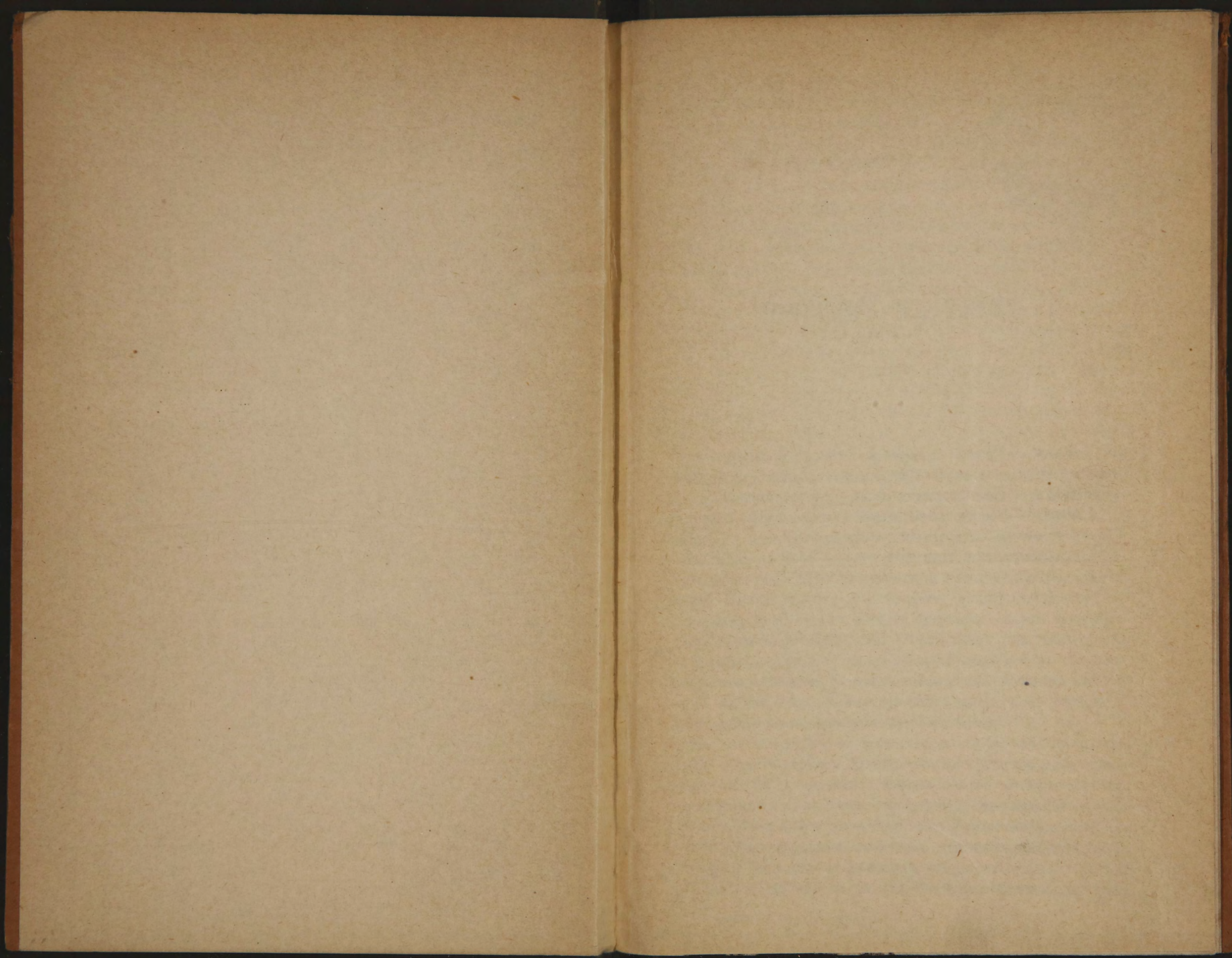
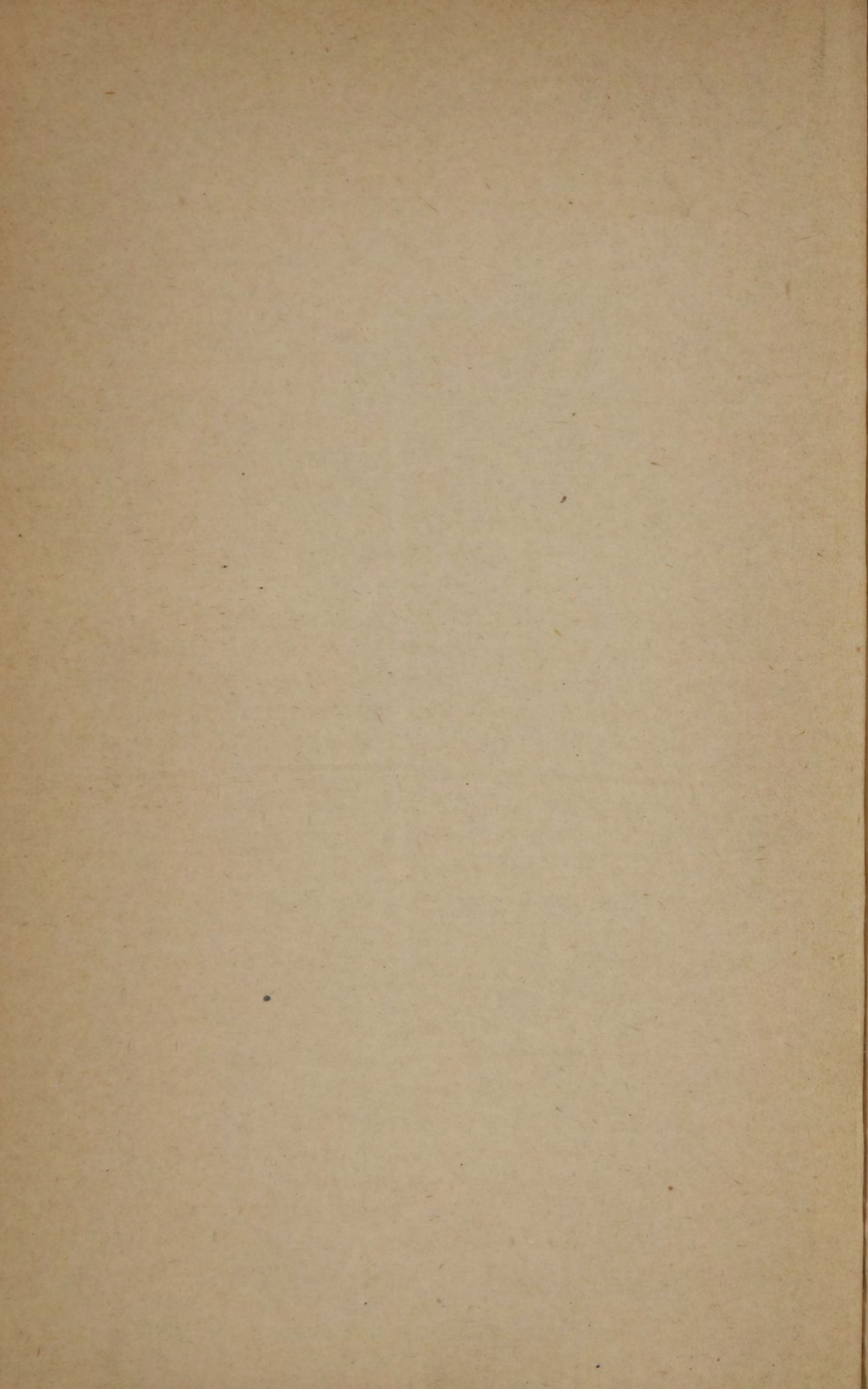

12. 673.

12673
Бка терина С.

ПРИЗЫВЪ КЪ ТРУДУ.

181157
Въ вопросѣ о женской эмансипаціи женщина конечно болѣе другихъ заинтересована: онъ близокъ ея сердцу; съ нимъ тѣсно связаны всѣ интересы ея жизни; въ немъ заключается ея будущее... Въ настоящее время, этотъ вопросъ содержитъ въ себѣ все—и кодексъ ея правъ, и «великую хартію», и высшій судъ, куда она предъявляетъ свой искъ, и подаетъ послѣднюю апелляцію; онъ—знамя ея свободы и политическая формула ея жизни. Литература по этому предмету представляетъ какъ бы невидимую трибуну, съ которой раздается голосъ женщины, впервые заговорившей о себѣ. И здѣсь она дома, какъ хозяйка у своего очага, или какъ народный депутатъ въ представительномъ собраніи, и отсюда ни мужчина, ни законъ изгнать ее не могутъ, какъ изгнали изъ всѣхъ прочихъ «не свойственныхъ и не приличныхъ ея полу областей»...

Къ несчастію, въ то время, когда въ нашей литературѣ былъ поднятъ вопросъ объ эмансипаціи женщины, въ большинствѣ женской среды господствовало унылое равнодушіе къ ихъ собственнымъ интересамъ, а тѣ немногія, принимавшія въ нихъ участіе, смотрѣли на разработку такъ близко касающагося ихъ вопроса съ тревожнымъ опасеніемъ и тайнымъ предчувствіемъ, что разработка эта не приведетъ къ положительнымъ результатамъ, потому что за нее исключительно взялись... мужчины.

Съ невольнымъ недовѣріемъ взирали онѣ на этихъ публицистовъ, трактовавшихъ на разные лады объ общественномъ призваніи женщины, выходившихъ на единоборство отъ имени цѣлой рати, или одиноко выступавшихъ на арену, что бы, въ новомъ турнирѣ за возрожденіе женщинъ, въ честь ихъ ломать копыя. Можетъ быть, возникало невольно сомнѣніе, подъ маскою этихъ современныхъ бойцовъ, не скрывается ли старое лице рыцаря Ланселота, обожавшаго въ образѣ женщины идеальное существо, нѣчто среднее между человѣкомъ и ангеломъ, или какую нибудь *belle châtelaine*, которая живетъ въ замкѣ съ высокими башнями, окруженная своими вассалами, огороженная крѣпкими затворами отъ жизни, между тѣмъ, какъ онъ, одушевляемый любовію къ ней, рыскаетъ по бѣлому свѣту, подвергаетъ себя разнаго рода приключеніямъ, совершаетъ подвиги, одерживаетъ побѣды и т. д. Современный рыцарь Ланселотъ, конечно, уже не въ шлемѣ и не въ латахъ; наружный видъ его измѣнился, а съ нимъ измѣнился и складъ его мысли, и строй рѣчи. Но, въ сущности, взглядъ его на женщину, полуфантастическій, полуматеріальный, почти тотъ же, что и въ средніе вѣка, только одѣтый въ форму, болѣе приличную нашему времени. Что же удивительнаго, если женщины возлагаютъ мало надеждъ на его защиту, если онѣ стали недовѣрчивы къ магическимъ звукамъ свободы, недовѣрчивы къ этимъ мнимымъ мессіямъ, которые такъ часто искушали ихъ сердце сладкими рѣчами, но ничего не сдѣлали, что бы уравнять ихъ, на дѣлѣ, и по закону, съ собою?

Развѣ женщины такъ скоро могли забыть тѣ недавніе историческіе уроки, которые заронили въ нихъ этотъ скептицизмъ? Въ самомъ дѣлѣ, сколько реформаторовъ, одинъ за другимъ, являлось передъ ними, то вдохновенными пророками, возвѣщавшими имъ близкое пришествіе «земнаго рая»; то смѣлыми демократами, признававшими за ними, въ принципѣ, всѣ права, политическія, гражданскія и общественныя, наравнѣ съ мужчинами; то мудрыми политикоэкономами, требовавшими, что бы законодательство обеспечило право женщины на трудъ, опредѣлило ея значеніе въ экономическомъ бытѣ народа, и увеличило ея заработную плату! И что же? Пророки оказались ложными гадателями, демократы измѣнили женщинѣ въ моментъ торжества великой французской революціи, и не прибавили ни одной буквы въ гражданскомъ законѣ въ пользу равноправ-

пости женщины! Все осталось постарому, несмотря на громкіе протесты и на знаменитую «Déclaration des droits de l'homme».

Не прошло и полустолѣтія послѣ французской революціи, какъ на сцену выступаетъ извѣстная школа сенъ-симонистовъ, провозгласившая равенство и свободу женщины... Вотъ, наконецъ, настала для нея, такъ давно возвѣщенная, счастливая эра! вотъ и для нея осуществится «золотой вѣкъ Астрей»! Явился великій учитель, торжественно объявившій законъ равенства между мужчиною и женщиною. Но учитель умеръ, успѣвъ только завѣщать свою доктрину молодымъ и пламеннымъ своимъ ученикамъ, изъ которыхъ самые замѣчательные были: Анфантаень, Базаръ и Родригъ. Что же сдѣлали эти даровитые адепты Сенъ-Симона? Выбравъ изъ своей среды «верховныхъ отцовъ», они ждали появленія «верховой матери», которая должна была возвѣститъ міру законъ нравственности, приличія и цѣломудрія. Что бы отыскать эту «верховную мать», или, какъ называли они ее иначе, «свободную женщину», они отправились на Востокъ, гдѣ, по какому то странному и необъяснимому ихъ убѣжденію, она должна была находиться. Свободная женщина на Востокѣ, въ этой классической странѣ рабства ея, на этомъ древнемъ рынкѣ ея красоты! Едва ли нужно прибавлять, что поиски эти не увѣнчались успѣхомъ.. Признавъ женщину свободною и равною мужчинѣ, въ храмѣ, въ государствѣ и въ семьѣ, послѣдователи Сенъ-Симона съ тѣмъ вмѣстѣ утверждали, что общественную единицу составляетъ не мужчина и женщина, взятые отдѣльно, но *пара*, такъ какъ каждый изъ нихъ, одинъ безъ другаго, не полное существо. Гдѣ же тутъ, спрашивается, женская самостоятельная личность? Женщина приобщена къ мужчинѣ, и сливается съ нимъ, какъ часть съ цѣлымъ. Она его alter ego, его предикатъ, и оба они сливаются въ синтезѣ слѣдующаго положенія: мужчина и женщина вмѣстѣ составляютъ челоуѣка. Впрочемъ, такъ какъ мужчина представляетъ, подобно женщинѣ, арифметическую дробь, и между ними сдѣлано равенство воздаянія, то женщина, пожалуй, не въ правѣ жаловаться на эту теорію коллективнаго существа. Были, правда, между сенъ-симонистами и такіе, которые склоняли вѣсы количественнаго уравненія на сторону мужчинъ. Напримѣръ, Огюсть Контъ (онъ впрочемъ въ послѣдствіи отдѣлился отъ сенъ-симонистовъ) утверждалъ, что равенство половъ несовмѣстимо съ соціальнымъ порядкомъ, что основное начало брака есть

подчиненіе женщины, и что она, по уму своему, ниже мужчины. Признавая въ женщинѣ *радикальную* неспособность въ дѣлѣ управленія государствомъ, Огюсть Контъ доказываетъ, что «экономія человѣческой семьи не можетъ быть нарушена безъ совершеннаго измѣненія женскаго ~~личнаго~~ ^{личнаго} состава». Между тѣмъ Фуріе, которому женщина обязана болѣе другихъ, за установленный имъ принципъ эмансипаціи, призналъ тождество природы двухъ половъ, и уравниалъ ихъ между собою.

Ученіе Фуріе послужило основаніемъ, изъ котораго современные передовые мыслители развили новыя начала эмансипаціи; но, сколько людей отвергнули истину, въ немъ заключенную, и усвоили себѣ только ея ложную сторону! Эмансипація женщины была смѣшана съ грязью разврата; свобода ея понята, какъ необузданный произволь страсти, внушенія и побужденія которой были святы, какъ голосъ природы, и приняты основнымъ принципомъ дѣйствія. Страсть была доведена до апоѳеоза въ романахъ Жоржъ-Занда. Писательница эта, несмотря на соціальный характеръ своихъ высоко художественныхъ повѣстей, несмотря на безспорное превосходство ея героинь передъ героями, не представила намъ, однако, ни одной личности эмансипированной женщины, въ истинномъ и высокомъ смыслѣ этого слова. Всѣ ея женскіе образы, какъ ни прекрасны они въ художественномъ отношеніи, за исключеніемъ весьма немногихъ (я не говорю о ея послѣднемъ романѣ), могутъ быть сведены къ одному общему типу, къ типу героини любви, по преимуществу; любовь — главный герой ея романовъ; она воспѣваетъ ее въ всѣхъ видахъ, на всѣ лады, и ею освѣщаетъ все... Всѣ ея женщины плѣняютъ насъ какою то сказочною волшебною красотою, и поражаютъ такою необыкновенною природною силою, такимъ глубокимъ развитіемъ мысли, а нѣкоторыя изъ нихъ даже такими всесторонними научными познаніями, что намъ невольно приходится жалѣть о томъ, что эти рѣдкія дарованія тратятся лишь на краснорѣчивыя любовныя изліянія, на изящные и выспренніе діалоги, отличающіеся хотя часто и парадоксальною, но всегда тонкою и изумительною діалектикою... Кромѣ того, въ романахъ этой писательницы нѣтъ почвы, которая служила бы реальною основою для отношеній людей другъ къ другу, и была бы сценою для дѣйствительной жизни съ всѣми ея нестройными разнообразными элементами, а героини ея не представляютъ собою того личнаго центра, въ которомъ

сосредоточивался бы и воплощался бы историческій смыслъ вѣковой борьбы женщины съ общественнымъ гражданскимъ и нравственнымъ рабствомъ, надъ нею тяготящемъ. Вотъ одна изъ причинъ, какъ мнѣ кажется, почему повѣсти Жоржъ-Занда не разрѣшаютъ женскаго вопроса, съ какойнибудь его стороны. Къ тому же, она ставитъ своихъ героинь въ исключительное привилегированное положеніе, не могущее дать никакой мѣрки для общаго состоянія женщины въ Франціи, или гдѣ бы то ни было. Онѣ слишкомъ призрачны, и, въ то же время, надѣлены авторомъ всевозможными дарами, и, по большей части, поставлены въ такія условія, что имъ и нечего пріобрѣтать, ни матеріальныхъ средствъ, ни нравственныхъ правъ, потому что уже гдѣ, а въ Франціи права красавицы женщины надъ сердцемъ мужчины неоспоримы и неограниченны, а до другихъ правъ ей какъ будто и дѣла нѣтъ. По отношенію только къ браку, Жоржъ-Зандъ пропагандировала эмансипацію, но и въ этихъ ея романахъ одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дѣйствительнымъ содержаніемъ жизни, и выступаетъ ярко на первый планъ, фантазмагорія мысли и, если можно такъ выразиться, вдохновенная галлюцинація страсти, которыми она исключительно увлекаетъ читателя. И тутъ почва ускользаетъ изъ подъ пера автора, представляющаго замужнюю женщину какъ бы внѣ закона. Нарушая свой долгъ, она не несетъ никакихъ послѣдствій за измѣну ему, а между тѣмъ мы хорошо знаемъ, что кодексъ Наполеона даетъ такую власть мужу надъ женою, что, какъ говоритъ Легуве, «самый неограниченный государь не можетъ сдѣлать столько зла, сколько жестокій мужъ, съ кодексомъ въ рукахъ»... Конечно, если бы Жоржъ-Зандъ оставалась въ своихъ произведеніяхъ только художникомъ, тогда мы не въ правѣ были бы требовать отъ нея развитія общественныхъ идей и задачъ; но талантливая писательница эта въ многихъ своихъ романахъ проводила разныя соціальныя доктрины, и была, какъ извѣстно, приверженицею женской эмансипаціи, слѣдовательно укоръ нашъ не вполне незаслуженный.

Тотъ же самый упрекъ, но съ большимъ еще основаніемъ, мы могли бы сдѣлать Виктору Гюго. Въ своемъ послѣднемъ романѣ, «*Les misérables*», который весь построенъ, или имѣетъ претензію быть построеннымъ, наисключительно соціальною задачею, какъ отнесся авторъ къ *соціальному* вопросу о положеніи женщины? Перенесенный въ этотъ романъ, онъ былъ бы, какъ нельзя бо-

лѣе, на мѣстѣ, и имѣлъ бы драматическое значеніе. Изъ абстракта онъ сдѣлался бы живымъ образомъ, реальною художественною истиною. Въ маленькой Козеттѣ, намъ чудилось, истина эта воплотится, и женщина пойдетъ въ міръ, рука объ руку съ Жаномъ Вальжаномъ, этимъ идеальнымъ представителемъ несчастнаго, угнетеннаго сына народа, всѣ скорби неправды и муки котораго онъ вынесъ столь героически на своихъ мощныхъ плечахъ. Подобно ему, женщина была угнетена, подобно ему, она носила терпѣливо вѣковыя свои цѣпи, и вотъ онъ, жертва закона и общества, беретъ въ свои сильныя руки маленькую дѣвочку, избитую, измученную, и уноситъ ее подальше отъ злыхъ людей, не имѣвшихъ къ ней состраданія. Какой поэтическій, великій моментъ, въ которомъ писатель социалистъ могъ бы увидѣть знаменіе историческаго событія! Какая прекрасная картина для художника, что бы представить зарю возрожденія женщины! Но указать на зараждающійся свѣтъ пророческимъ перстомъ... для этого, быть можетъ, нуженъ высшій инстинктъ генія, истинное чутье историка, а того и другаго не хватило у французскаго романиста, котораго Наполеонъ I такъ мѣтко называлъ геніальнымъ ребенкомъ. Подобно Мишеле, Гюго смотритъ на женщину, какъ на прелестную конфекту, или какъ на благоухающій цвѣтокъ, и старый идеалъ увѣковѣченъ въ новомъ образѣ. Правда, въ лицѣ Фантины онъ указалъ намъ на цѣпи, которыми скованъ трудъ женщины, на ея паденіе, въ слѣдствіе голода и нужды; изобразилъ яркими красками муки матери, работающей для пропитанія малютки дочери, и, наконецъ, нарисовалъ трагическую картину ея смерти въ больницѣ. Но что такое Козетта, дочь этой несчастной женщины, главная героиня романа или поэмы? Надъ нею стоитъ остановится поболѣе.

Оторванная отъ матери, выросшая въ нищетѣ и побояхъ, Козетта была уже восьми лѣтъ работницею: она носила воду, мыла посуду, вязала чулки, прислуживала въ трактирѣ, и за все это ее били, ругали, съ ранняго утра до поздней ночи, и за все это бѣдняжка почти всегда была голодна; платье на ней было изорвано; грудь открыта; на босыхъ ногахъ были надеты деревянные башмаки... Однажды вечеромъ злая трактирщица, мучительница несчастной малютки, посылаетъ ее за водою въ глухой лѣсъ. Дѣвочка дрожитъ отъ страха, но, скрѣпя сердце, отправляется съ большимъ ведромъ въ рукѣ въ страшный лѣсъ. Но когда она, накачавъ воду, возвращается домой,

кто то настигаетъ ее сзади, чья то могучая рука освобождаетъ ее отъ ея тяжелой ноши. Тайнственный избавитель оказывается никто иной, какъ Жанъ Вальжанъ. Заплативъ за нее деньги, онъ увозитъ ее навсегда отъ безчеловѣчной трактирщицы. Десять лѣтъ спустя, мы снова встрѣчаемся съ Козеттою. Сколько тайныхъ надеждъ она возбуждаетъ въ читателѣ! Онъ ждетъ, что явится, наконецъ, на сцену женщина, дочь народа, плебейка по чувствамъ, по воспитанію, свободная отъ всѣхъ предразсудковъ, потому что жизнь ея сложилась внѣ всѣхъ, установленныхъ обычаемъ, формъ, вдали отъ всего, что мѣшаетъ ея самостоятельному развитію, женщина въ человѣческомъ значеніи этого слова. Но чѣмъ оказывается она? Козетта, дочь потерянной женщины, воспитанница и пріемышъ освобожденнаго каторжника, является у Виктора Гюго прелестнымъ аристократическимъ ребенкомъ, въ полномъ невѣдѣніи жизни, которую такъ бережно прячетъ отъ нея Жанъ Вальжанъ; однимъ словомъ, это поэтическій образъ женщины-малютки, пѣвчей пташки, хорошенькой куклы, достойной быть героинею извѣстной книги Мишеле «L'Amour». Это избалованное, изнѣженное дитя не способно ни къ какому серіозному дѣлу. Козеттѣ нужна богатая обстановка, нуженъ знатный мужъ и всѣмъ этимъ награждаетъ, подъ конецъ, авторъ свою героиню. Женихъ ея оказывается нежданно, негаданно богатымъ наслѣдникомъ и въ добавокъ барономъ. Должно быть, между падшею женщиною и артистократкою, Викторъ Гюго не видѣлъ промежуточныхъ ступеней, между порокомъ и дѣтскимъ простосердечіемъ не нашелъ середины. Да и въ умѣ француза другой идеалъ не вмѣщается: либо маркиза, либо лоретка. Викторъ Гюго сдѣлалъ и безъ того нѣкоторую уступку демократическому чувству, что выдалъ свою героиню только за барона...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что французская литература, въ лицѣ своихъ первоклассныхъ беллетристовъ, не подвинула женскаго вопроса ни на шагъ. А сколько другихъ писателей, выставившихъ, по примѣру ихъ, слова свободы, равенства и братства на своемъ знамени, сколько патентованныхъ друзей и благодѣтелей всѣхъ «угнетенныхъ и униженныхъ», которые расплодились, въ это послѣднее время, во всѣхъ литературахъ, и выступили на сцену въ защиту женщины, а въ окончательномъ результатѣ только утвердили ее на разрушенномъ ихъ же теоріею пѣдесталѣ, и, въ сущности, увѣнчали старый кумиръ!... Какъ язычни-

ки, приносили они этому милому идолу, кто золотыя ткани, разноцвѣтныя ленты, кто серги и кольца, и, нарядивъ женщину въ пестрые лоскутья, облачивъ во всѣ прежнія регалии, они поклонились ей, какъ божеству, и воскурили передъ нею оѣміамъ; они провозгласили ее своею законною царицею, властительницею ихъ сердца, трепещущаго отъ ея милаго лепета, и жаждущаго только ея любви! И до сихъ поръ продолжается этотъ веселый праздникъ, этотъ роскошный маскарадъ женщины, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, мы видимъ другое... Мы видимъ, что сотни тысячъ женщинъ несутъ цѣпи непосильной работы и насильственного порока, и съ завистію и горечію смотрятъ на вѣнокъ праздности, которымъ увѣнчаны ихъ счастливыя сестры, и изъ среды ихъ, мы слышимъ, поднимается уже чаще и чаще голосъ ропота и протеста...

II.

Переходя къ публицистамъ, занимавшимся въ русской литературѣ «женскимъ вопросомъ», я должна принести имъ, отъ имени женщинъ, благодарность за все искреннее и добросовѣстное желаніе ихъ помочь намъ въ трудномъ нашемъ дѣлѣ... Но и между ними, сказать по правдѣ, было не мало этихъ рыцарей полумѣръ, которые, какъ замѣчаетъ г-жа Милль, совѣтуютъ женщинамъ «образовать свои понятія и свой вкусъ, пріобрѣтать общія познанія, заниматься поэзіею, искусствомъ, даже кокетничать съ наукою»... Одни говорили, что специальность женщины есть *энциклопедизмъ*, другіе, что основной принципъ женской дѣятельности есть эстетика, третьи, что, «при разрѣшеніи всякаго соціальнаго вопроса, необходимо обращаться къ законамъ физической природы, какъ къ принципу непреложному»...

Но интересно узнать, какое руководство и какой масштабъ даютъ намъ эти законы, по которому мы могли бы рѣшать соціальныя вопросы? Самое большое, что можетъ до сихъ поръ высказать объ этомъ самый свѣдущій фیزیологъ или антропологъ, это скромная надежда, что современемъ естественныя науки дадутъ удовлетворительный отвѣтъ на такой вопросъ. А въ ожиданіи, пока дадутъ, мы знаемъ, какъ нельзя лучше и достовѣрнѣе, что образованіе, т. е. умственное развитіе человѣка, имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на устройство его матеріальнаго

быта и на его отношеніе къ природѣ. Образованіе противопоставляется естественному развитію человѣка, или естественному состоянію, въ которомъ жизнь управляется и руководствуется однимъ непосредственнымъ физическимъ закономъ. Человѣкъ вышелъ изъ этого состоянія, и вступилъ въ періодъ разумной жизни. Съ этого переходъ только и начинается. Исторія человѣчества до сихъ поръ заключаетъ въ себѣ почти весь матеріалъ, изъ котораго строятся остальные политическія науки, и рѣшаются основныя задачи общественнаго устройства.

Изъ этого мы можемъ вывести тотъ принципъ, въ силу котораго не физическая природа, а разумъ есть источникъ равенства, и изъ него вытекаютъ всѣ права. Это равенство двухъ половъ можно установить только въ теоріи, такъ какъ на практикѣ его еще нѣтъ. Въ своей совокупности, т. е. въ численномъ своемъ большинствѣ, женщина несомнѣнно стоитъ ниже мужчины. Но такое статистическое сравненіе не дало бы намъ никакого мѣрила для справедливой и вѣрной оцѣнки двухъ половъ. И потому мѣркою равенства и единицею сравненія мужчинъ и женщинъ мы должны взять индивидуума. Родъ, какъ извѣстно, есть отвлеченное понятіе, которое становится реальнымъ только въ отдѣльныхъ явленіяхъ, т. е. въ отдѣльныхъ человѣческихъ существахъ. Родъ не исчерпывается въ одномъ видѣ, но зато видъ есть выраженіе рода. Вопросъ состоитъ въ томъ: можетъ ли женщина, *индивидуально* по уму, или по таланту, или по политической и гражданской способности, возвыситься до мужчины, и стать съ нимъ рядомъ. Исторія отвѣчаетъ намъ утвердительно на этотъ вопросъ. Но одной признанной способности мало. Мы желали бы не отвлеченнаго права учиться и развиваться (въ принципѣ мужчинамъ ничего не стоитъ быть щедрыми, великодушными и справедливыми), но фактическаго, т. е. признаннаго и утвержденнаго гражданскимъ закономъ, права; одно только практическое развитіе можетъ вызвать на свѣтъ то, что лежитъ въ природѣ женщины, и превратить возможность въ фактъ. Права создаются не потребностями, по крайней мѣрѣ не одними потребностями: права утверждаются государствомъ, иначе говоря закономъ. Вотъ что говоритъ, по этому поводу, Куно Фишеръ: «Человѣкъ, какъ личность, есть единичная отдѣльность, которая находитъ для себя поприще не въ беззавѣтномъ свѣтломъ наслажденіи жизни, какъ прекрасное недѣлимое, но среди публич-

ной общественной жизни и ея созволенія. *Какъ личность, я имѣю значеніе только на столько, на сколько я признаюсь другими.* Здѣсь моя сфера опредѣлена властію государства; какъ лице, я имѣю общественное значеніе, основанное на всеобщемъ признаніи, ограниченное и утвержденное властію закона. *Я значу, на сколько онъ меня признаетъ, и какъ бы созволяетъ.* Такое созволенное и допускаемое существованіе мы обозначаемъ словомъ *право*. (Куно Фишеръ. Томъ I. Переводъ Н. Стрехова).

Право не создается; оно существуетъ само по себѣ, потому что оно есть законное притязаніе человѣка на употребленіе въ дѣло своихъ природныхъ дарованій и наклонностей, потребность, требующая себѣ удовлетворенія, какъ голодъ и жажда. Оно основное начало, вытекающее изъ самой природы, которое абсолютно всегда существовало, но которое признается въ политической жизни только съ развитіемъ человѣческаго общества.

«Право, по словамъ Жени д'Эрикуръ, обнимаетъ собою не только матеріальную жизнь, свободу нашихъ движеній, нашу безопасность, но и развитіе нашего разума, нашихъ способностей, нашей привязанности, любви, нашихъ производительныхъ силъ и нашей самостоятельности»...

Что касается энциклопедисма, то, если энциклопедическое образованіе можетъ быть пригодно для женщинъ достаточныхъ классовъ, спрашивается, что можетъ онъ дать женщинѣ бѣдной, снискивающей себѣ трудомъ средства къ существованію? Литература, наука, искусство, въ общемъ, а не въ спеціальномъ значеніи слова, не приготавливаютъ ее ни къ какому дѣлу, и не даютъ ей опоры въ жизни... Что же дѣлать бѣднымъ женщинамъ? Что дѣлаетъ общество съ ними?...

«Женщину выдаютъ замужъ, отвѣчаютъ на это обыкновенно, и мужъ рабствуетъ на нее...» На практикѣ, однако, бываетъ не всегда такъ. Общественное устройство жизни европейскихъ народовъ клонится къ тому, что бракъ дѣлается рѣже и рѣже. Перепись народонаселенія каждого государства представляетъ намъ статистическія доказательства постепеннаго уменьшенія браковъ. Такъ, на примѣръ, въ Франціи, въ послѣднее время, число браковъ уменьшается почти на 2,000, несмотря на увеличивающееся народонаселеніе *). Въ Англіи состави-

*) Въ 1861 году, въ Франціи было браковъ 305,208; въ 1862—305, 514;

лось цѣлое общество незамужнихъ женщинъ. Въ бѣдныхъ классахъ, въ слѣдствіе распространенія работъ на мануфактурахъ, семейныя узы ослабляются значительно. Жюль Симонъ, въ своемъ интересномъ сочиненіи «Работница», не одинъ разъ оплакиваетъ этотъ грустный фактъ, и горько о немъ соболюзнуетъ. Что же дѣлать женщинѣ незамужней, или матери семейства, мужъ которой не въ состояніи содержать ни ея, ни дѣтей? А если она молода, и хлѣба у нея нѣтъ,—что тогда?... Мы знаемъ, какіе роковые отвѣты даетъ дѣйствительность въ подобныхъ случаяхъ... Не будемъ однако останавливаться на нихъ, и скажемъ одну истину, въ которой пора наконецъ мужчинамъ убѣдиться.

Жизнь давно рѣшила вопросъ о женщинѣ. У нея нѣтъ двухъ законовъ, одного благодушнаго и умѣреннаго, приноровленнаго къ болѣе слабому и нѣжному организму женщины, и скромному, сообразно ея типу; другаго, болѣе жесткаго и суроваго, приспособленнаго и соотвѣтствующаго организму мужчины. Жизнь проводитъ строгій уровень между ними, который, громче всѣхъ научныхъ классификацій эстетическихъ теорій и идеаловъ, доказываетъ, что она предназначила ихъ для одной общей цѣли.

Для женщины, какъ и для мужчины, жизнь есть борьба за существованіе; трудъ за кусокъ хлѣба, или за умственную пищу; война за свои права и свободу. Они, какъ товарищи, должны дѣлить все пополамъ, страданія и радости, скорби и труды, все поровну и побратски. Одному достается на долю одно, другому другое; но въ итогъ одно стоитъ другаго... Если мужчина безъ труда не можетъ добыть себѣ хлѣба, то и для женщины манна не падаетъ съ неба: оба они должны пить и ѣсть; должны имѣть кровь и одежду; оба, исключая матеріальныхъ нуждъ, имѣютъ высшія потребности.

Но, говорятъ экономисты, открытіе жевщинамъ одинаковаго поля дѣятельности съ мужчинами должно неминуемо повести къ тому, что увеличится толпа конкурентовъ, и въ слѣдствіе этого понизится заработная плата. Этотъ доводъ теряетъ силу, если мы взглянемъ на вопросъ съ другой стороны.

въ 1863 г. 301, 376, а въ 1864 г. число ихъ понизилось до цифры 299, 579. (Annuaire de l'économie politique et de la statistique, par Maurice Block. Paris, 1867, page 34.)

Мы знаемъ, что все то, что служить къ развитію народа, благопріятствуетъ вмѣстѣ производству и сбыту. Чѣмъ больше будетъ развитъ народъ, тѣмъ больше у него будетъ потребностей, и, слѣдовательно, тѣмъ больше онъ будетъ производить, такъ какъ сумма потребностей цѣлаго народа удовлетворяется суммою его труда. А чѣмъ больше труда, тѣмъ больше капиталовъ: трудъ рождаетъ капиталъ. А. Смитъ утверждаетъ, что трудъ есть основа производства.

Приэтомъ является вопросъ: что умножаетъ и возбуждаетъ человѣческія потребности? Извѣстно, что въ дикомъ состояніи потребности у людей бывають очень несложны и незатѣйливы: онѣ ограничиваются удовлетвореніемъ первыхъ физическихъ нуждъ. Только съ развитіемъ цивилизаціи, потребности человека видоизмѣняются, и обращаются на болѣе разнообразные предметы. Чѣмъ же выше и полнѣе развитъ человекъ, тѣмъ трудъ его производительнѣе, точно также, чѣмъ свободнѣе трудъ, тѣмъ больше производства. Свобода же экономическая, какъ и всякая другая, есть слѣдствіе развитости общества. И такъ, чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ оно богаче, и наоборотъ. И не только оно богаче его, но и свободнѣе, и нравственнѣе. Слѣдовательно, образованіе женщинъ, увеличивъ потребности общества, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать умноженію и улучшенію производства цѣнностей и соціальному развитію.

Изъ вышеприведенныхъ экономическихъ положеній, мы видѣли, что между матеріальнымъ благосостояніемъ и образованіемъ народа существуетъ самая тѣсная органическая связь и полное взаимодѣйствіе. Конечно, ни первое, ни послѣднее, не можетъ достигнуть большаго развитія безъ политической свободы и безъ справедливаго законодательства.

Но для насъ вовсе не важенъ вопросъ: которое изъ двухъ началъ, образовательное или экономическое, играетъ первенствующую роль въ исторіи народовъ, и которое изъ двухъ подвинетъ скорѣе вопросъ о женской эмансипаціи къ его практическому разрѣшенію. Для насъ ясно, что, въ сущности, это только разныя его стороны, и что на практикѣ онѣ не раздѣльны. Эмансипаторы экономисты требуютъ для женщины одинаковаго вознагражденія ея труда съ трудомъ мужчины; эмансипаторы публицисты — уравниваютъ ея гражданскихъ и политическихъ правъ. Одни просятъ для нея хлѣба, другіе свободы. Съ перва-

го взгляда, требованія эти кажутся противоположными; въ существѣ дѣла это одно и то же.

Отъ нищеты, сотни тысячъ женщинъ предаются пороку; но кто считалъ женщинъ, которыя погибли отъ недостатка дѣятельности, отъ недостатка умственного и нравственного развитія, отъ пустоты, пошлости, скуки и зависимости, погибли отъ того, что среда, ихъ окружавшая, извратила и направила къ злу ихъ природныя силы, или задавила ихъ?

III.

Женщина должна выбрать себѣ, прежде всего, какую нибудь спеціальность, научную или техническую, смотря по своимъ наклонностямъ и способностямъ, и по тому положенію, въ которомъ она находится. Она должна знать, что какъ нищета, такъ и необразованіе, безспорно рабство, и что работа, при этихъ рабскихъ условіяхъ, не только всякую, но и всякаго задавить... Кто попалъ подъ этотъ жребій, тому никогда не выбратся на широкую дорогу труда и независимости. И какъ нужны необыкновенныя силы, что бы хорошо овладѣть многими знаніями, то большинство должно стремиться къ усвоенію какого нибудь одного: это будетъ выгодноѣ и для себя и для общества.

Говорятъ, что сила женщины есть болѣе пассивная и инертная. Открывъ ее въ женщинѣ, мужчины ее опоэтизировали, быть можетъ, потому, что нашли это свойство очень выгоднымъ для себя и удобнымъ для полного господства надъ нею. Но пусть это насъ не обольщаетъ, и не приводитъ въ трепетное умиленіе. Въ этой силѣ нѣтъ ничего дѣйствительно прекраснаго; это сила вѣчнаго пребыванія на одномъ неподвижномъ пунктѣ, своего рода косность. Неужели же мы всегда будемъ довольны косненіемъ въ предразсудкахъ и невѣжествѣ и неизмѣнно одинаковымъ уровнемъ нашихъ понятій, знаній, мыслей и стремленій? Неужели это насъ не унижаетъ въ собственныхъ глазахъ, и мы не захотимъ выбиться изъ старой затоптанной колеи, гдѣ все заглохло въ тупой рутинѣ, и откуда нѣтъ ни разумнаго выхода, ни прямого пути?—Но мы уже сознали наше положеніе, а знаніе даетъ нравственную свободу... Мы сбросили уже съ себя старое, и вышли изъ пассивной роли... Мы перестали уже нянчиться съ навязываемыми намъ идеалами, съ своими психологическими

фантазіями и мечтами, воображая, что тутъ то и есть сущность жизни, истинное ея зерно и основа, и поняли, что дѣло лучшій и самый кратчайшій путь къ достиженію того, къ чему мы стремимся, а именно къ воспитанію и развитію нашихъ внутреннихъ силъ и къ внѣшней дѣятельности. Да, мы убѣдились, наконецъ, что дѣло, фактъ, моментъ внѣшней жизни необходимъ для человѣка, потому что мимо него онъ ничѣмъ не въ силахъ былъ бы опредѣлить свою мысль, свою внутреннюю силу; она расплывалась бы постоянно въ туманѣ безпредметнаго созерцанія, въ которомъ собственное наше лице замѣняло бы постоянно само для себя все на свѣтѣ. Всякій опытъ и фактъ необходимо выводить эту силу, изъ нашего я, въ сферу внѣшней дѣятельности его, въ область дѣла. Этой то области не доставало женщинамъ, и отсутствіемъ ея объясняется отчасти тотъ лихорадочный жаръ, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онѣ бросились на все, что хотя сколько нибудь было похоже на дѣло. Толчекъ былъ неудержимый, и школы, мастерскія, возникли съ необыкновенною быстротою. Заговоривъ о мастерскихъ, я не могу пропустить безъ вниманія одной статьи, надѣлавшей въ свое время много шума, и напечатанной въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Въ этой статьѣ было сказано: «что хотя мастерскія Вѣры Павловны и общества женскаго труда очень милыя, сами по себѣ, вещи, но плохія средства для устройства женскаго дѣла...» И далѣе, что «ассоціація должна устроить трудъ и распредѣлить продуктъ, но то и другое она должна устроить безъ всякой торговой или коммерческой связи съ ними, какъ двѣ особыя несоразмѣримыя статьи жизненной экономіи. Въ такомъ случаѣ, она даетъ ему обезпеченіе въ полномъ смыслѣ этого слова, и получаетъ отъ него трудъ, свободный и невынужденный.»

Съ экономической точки зрѣнія, противъ этого нечего возражать, но въ практическомъ отношеніи можно замѣтить, что плохо ли это средство или нѣтъ, но покуда другаго нѣтъ; покуда дальше не было дороги, лучше это, чѣмъ ничего.

Кстати скажу, что въ душѣ женщины должно шевелиться одно горькое недоумѣніе. Сколько разъ, изустно и печатно, бросали намъ свой укоръ (въ томъ числѣ и г. Жуковский), что мы толкуемъ вкривъ и вкосъ объ эмансипаціи, и все-таки остаемся въ томъ же положеніи, ничего не дѣлая,

что бы выйти изъ него. Намъ столько разъ выражали, самымъ скептическимъ и обиднымъ тономъ, сомнѣніе, дѣйствительно ли мы тяготимся своимъ положеніемъ, и понимаемъ ли его, какъ слѣдуетъ, что мы переконфузились не на шутку... И какъ бы-ло въ самомъ дѣлѣ не переконфузиться! Между нами сказать, читательница, мужчины были совершенно правы въ своихъ упрекахъ: мы заслуживали ихъ вполнѣ. Но въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, мы только что пробуждались послѣ долгаго сна; мы жили въ какой то лихорадкѣ дѣятельности, а когда порывъ обратился въ дѣло, то, съ перваго же шага по этому трудному пути, насъ уже предостерегали, что мы далеко не уйдемъ, и наши попытки устроить что нибудь собственными руками называли «милымъ вздоромъ», т. е., попросту говоря, глупостію. Въ заключеніе прибавляли же глубокомысленно: «нужно измѣнить элементарныя условія экономической почвы, обеспечить матеріально женщину, и такимъ только образомъ можно приподнять ее до уровня существа свободнаго, изъ того глубокаго паденія, въ которомъ держить ее до сихъ поръ роковая экономическая гидра...»

Опять таки, теоретически говоря, г. Жуковскій правъ; но на практикѣ, ни онъ, ни другіе экономисты и публицисты, не знаютъ, какимъ образомъ можно обеспечить матеріально женщину, какимъ оружіемъ разсѣчь голову экономической гидрѣ... Это вопросъ весьма сложный, и женщины, конечно, не были такъ наивны, что бы видѣть въ ассоціаціяхъ или артеляхъ его развязку. Однако же, не мѣшаетъ при этомъ случаѣ напомнить публицистамъ, что въ западной Европѣ именно ассоціаціями и артелями начался рабочій вопросъ.

Но между рабочимъ и женскимъ вопросомъ та разница, что рабочій классъ мужчинъ, пользуясь привилегіею труда, заботился и хлопоталъ преимущественно, или о возвышеніи заработной платы, или о томъ, какъ бы, посредствомъ ассоціаціи, устроить производство и потребленіе. Онъ боролся или съ хозяиномъ, или съ капиталомъ. Нашъ же вопросъ поставленъ не совсѣмъ въ такомъ видѣ. Онъ еще не хозяйственный; онъ только *пробный* вопросъ о нашей способности.

Весь вопросъ, какъ мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ одна только практика можетъ открыть и доказать намъ, нагляднымъ образомъ, нашу пригодность или непригодность къ разнымъ сферамъ труда, то мы должны испробовать

тѣ и другія *на дѣль*. Это есть единственный путь къ познанію нашихъ способностей и вѣрнѣйшее мѣрило нашей самостоятельности. Споръ объ умственномъ превосходствѣ мужчины можетъ быть рѣшенъ на фактъ только тогда, когда женщины начнутъ думать и дѣйствовать за себя, сознательно и самостоятельно, и когда передъ ними будутъ открыты тѣ же средства, учиться и образовывать себя, какія доступны мужчинамъ *). Только фактами можно уничтожить предрассудки о женщинахъ, вкоренившіеся такъ глубоко въ обществѣ, и являющіеся, въ слѣдствіе этого, злѣйшими врагами женскаго дѣла.

Намъ столько вѣковъ говорили, что мы не способны къ высшей практической или теоритерической дѣятельности; столько разъ намъ повторяли, что мы рождены только для любви и для кухни, что мы увѣровали, наконецъ, въ эти изреченія, и нужно будетъ много времени, что бы мы сами сознали въ себѣ силы и способности, положенныя въ насъ природою, и убѣдили въ нихъ другихъ. И пройдетъ не менѣе времени, покуда мужчины, даже въ образованныхъ слояхъ общества, будутъ смотрѣть по-

*) Умственное превосходство мужчинъ передъ женщинами, какъ существующій фактъ, очевиденъ и неоспоримъ. Но, признавая его, очень немногіе изслѣдовали его причину, путемъ историческимъ или научнымъ. Теорія Дарвина, если не ошибаемся, представляетъ данныя, на основаніи которыхъ, повѣряя ихъ историческими фактами, можно было бы получить ключъ къ разъясненію этого вопроса. Предположимъ, что Дарвинъ правъ въ этомъ положеніи, что «употребленіе или неупотребленіе мозга бываетъ причиною его измѣненія», а въ этомъ нельзя сомнѣваться, если «упражненіе извѣстнаго органа придаетъ ему силу, а неупотребленіе уменьшаетъ его въ объемъ»; отсюда мы придемъ къ тому выводу, что такъ какъ умъ женщины нормально не развивался, а былъ постоянно угнетенъ и задавленъ, то естественно, что онъ не можетъ имѣть силы мужскаго ума. Мы пойдемъ еще далѣе, и примѣнимъ къ человѣку теорію Дарвина, объ естественномъ подборѣ. Ученый этотъ говоритъ, что «естественный подборъ, въ силу закона, по которому свойство наследуется въ соотвѣтствующіе возрасты, можетъ видоизмѣнить организмъ, и, посредствомъ этого процесса, сохраняется малѣйшее уклоненіе, если то для него выгодно.» Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, мы можемъ предположить, что превосходство мужскаго ума надъ женскимъ обусловливается наследственной передачею измѣненій, происшедшихъ въ организмъ мужскаго мозга, и удержанныхъ имъ, и что этимъ измѣненіямъ онъ обязанъ отчасти, конечно, тѣми преимуществами, которыми онъ пользуется изъ рода въ родъ, по праву сильнаго и болѣе разумнаго, и что, въ слѣдствіе той же наследственной передачи, прогрессія въ развитіи женскаго ума шла весьма медленно.

человѣчески на трудовую женщину, и относиться съ уваженіемъ къ ней.

Въ настоящее же время, поднимается, изъ довольно многочисленной среды общества и журналистики, такой ропоть, такой единодушный протестъ противъ новаго идеала женщины, что невольно хочется вникнуть поглубже въ причину, повергнувшую русскихъ мужчинъ въ такой ужасъ передъ новою идеею, изъ которой должна родиться эта женщина; хочется, во что бы то ни стало, разобрать мотивы глубокой антипатіи, успѣвшей возникнуть противъ нея... За что же эта преждевременная злоба, эта незаслуженная ненависть? Во имя чего? Во имя стараго идеала? Они говорятъ, что искренно уважаютъ трудъ женщины и серіозное ея образованіе; пользу этихъ двухъ началъ они и не думаютъ отрицать, но возстаютъ единственно противъ независимости женщины. Вы хотите, говорятъ они, что бы женщина могла существовать, безъ помощи мужчины, своимъ собственнымъ трудомъ; вы хотите одиночества женщины, отдѣленія и разъединенія ея съ нимъ; вы желаете создать для нея положеніе внѣ семьи... Поймите же, что не разъединять, а соединять надо больше мужчинъ съ женщинами; надо, по возможности, устроить жизнь такъ, что бы всѣ женщины выходили замужъ, и всѣ мужчины женились; тогда для всѣхъ женщинъ найдется дѣло, и всѣ люди будутъ счастливы...

За этими общими сѣтованіями кроются еще чисто субъективныя причины, или, такъ сказать, *сердечныя основанія*, на которыя опирается вражда мужчинъ къ женскому вопросу, и которыми объясняется отчасти ихъ безотчетный страхъ. Да, что бы они ни говорили, а въ душѣ они боятся эминсипаціи, боятся принциповъ, ею воздвигнутыхъ. Эти принципы равноправности, независимости, труда, думаютъ мужчины, убьютъ въ женщинѣ поэзію, высшую ея красоту, уничтожатъ съ прекраснаго ея чела печать *женственности*, идеальный типъ ея. Они сдѣлаютъ, изъ слабаго, кроткаго, прелестнаго существа, существо жесткое, сильное, практическое, независимое, смѣлое... Идеалъ исчезнетъ, а на мѣсто его явится вполне реальное человѣческое лице... Вмѣсто Джульеттъ, Дездемонъ, Гретхенъ и Элоизъ, будутъ учительницы, професорши, докторши и т. д. Чѣмъ же тогда будетъ жизнь? Куда дѣнется счастье, поэзія ея?

Они забываютъ, что поэзія не можетъ быть убита разу-

момъ, что свобода не можетъ уничтожить нравственную красоту, а міръ науки не исключаетъ міра чувства, и что надо же когда нибудь низвести идеалъ во время и въ пространство... Доказательство этого мы видимъ на мужчинахъ. Извѣстно, что величайшіе поэты были мужчины... Отъ чего это? Не отъ того ли, что разумъ женщины былъ слабъ, мало развитъ, что взоръ ея не проникалъ глубоко въ тайны природы, не охватывалъ всего безконечнаго горизонта жизни, а устремлялся на одну точку любви, въ орбитѣ которой заключался для нея весь міръ, кончалась вся вселенная... Міровые перевороты совершались вокругъ нея, измѣнялось лице земли, а она все глядѣла, точно очарованная, на свое свѣтило. И въ этомъ любовномъ созерцаніи находятъ мужчины высшую поэзію женщины, ея красоту и призваніе. Пусть взглядъ ея спустится на землю: пусть она вопрошаетъ тайны природы или загадки науки, и она уже измѣнила своему призванію, нарушила свою красоту! Какъ будто нѣтъ поэзіи въ наукѣ, въ творествѣ, въ законахъ природы, въ историческихъ событіяхъ! Все, что велико, все то прекрасно и поэтично. Если бы геніальныя открытія Ньютона и Галилея были сдѣланы женщинами, неужели сила генія и сила фантазіи, съ помощію которыхъ міровые законы были найдены, не облекли бы этихъ женщинъ, въ глазахъ всего свѣта, въ то величіе, до какого не возвысилась еще ни одна изъ нихъ, не осѣнили бы ихъ высшею поэтичностью и красою; неужели ларовый вѣнокъ, который увѣнчалъ бы ихъ головы, не стоилъ бы вѣнка, украшавшаго идеальную, но безумную голову Офеліи? Неужели великія женщины, въ какой бы то ни было сферѣ науки или искусства, въ нашихъ глазахъ не будутъ лучшими представительницами ума, таланта, поэзіи, женщинами надъ женщинами, точно также, какъ Шекспиръ, Гёте, Ньютонъ, Кеплеръ, Лейбницъ и многіе другіе, будутъ вѣчно знаменитыми представителями человечества, людьми *по преимуществу*, первыми людьми? Въ самомъ дѣлѣ, почему это идеалъ мужскаго рода можетъ варіировать до безконечности, въ самыхъ разнообразныхъ личностяхъ, въ самыхъ противоположныхъ дѣятеляхъ, можетъ быть выраженъ и въ лицѣ завоевателя, великаго администратора и политика, въ лицѣ художника и поэта, историка, ученаго и философа, наконецъ, въ образѣ гражданина и семьянина, а идеалъ женщины, по какому то фаталисти-

18177

ческому закону, навязанному ея природѣ, долженъ неизмѣнно и ненарушимо увѣковѣчиваться въ одномъ только поэтическомъ образѣ *возлюбленной*? И когда всему а свѣтъ суждено измѣняться, одна только женщина, какъ мраморная статуя, должна пребывать навѣки неизмѣняемою и неподвижною? Неужели любовь альфа и омега ея жизни, и, кромѣ нѣжнаго сердца, она ничего не можетъ дать міру? Но въ томъ то и заключается главная ошибка этого поэтического воззрѣнія на женщину, что оно какъ бы исключаетъ ее изъ всего міра, уединяетъ отъ всѣхъ людей, заставляетъ жить только для одного. И это не мифъ и не притча; это исторія женщины, отъ начала міра до XIX вѣка включительно! Намъ говорятъ: такъ было и такъ будетъ во вѣки вѣковъ. Женщина создана для любви: таковъ законъ ея природы. Но вѣдь любить можно только одного, и для любимаго человѣка она останется всегда женщиною, въ поэтическомъ значеніи слова, а для другихъ людей, и въ разнообразныхъ явленіяхъ жизни, она должна проявить свой разумъ и всѣ тѣ способности, которыми надѣлена (надо, что бы всякое дарованіе было на своемъ природномъ мѣстѣ). Въ любви она сохранитъ женственность, нѣжность, непосредственность чувства; въ жизни же дѣйствительной, въ сферѣ труда, въ области мысли, она уже не женщина, она просто человѣкъ.

Странно думать, что женщина, достигшая умственного и нравственного развитія, способна будетъ меньше любить, чѣмъ простая крестьянка, никогда ничему неучившаяся, или институтка, нѣдоучившаяся, или, что она будетъ не столь поэтична, потому что образованіе открыло ей новые источники знанія и наслажденія, чѣмъ та, которая живетъ въ туманѣ одного непосредственного чувства, и, какъ слѣпая, глядитъ на міръ божій. Но требовать, что бы женщина была всегда поэтична, только поэтична, это значитъ не понимать жизни. Поэзія не есть норма жизни: это ея цвѣтокъ, ея музыка, ея ароматъ. Возможно ли, что бы музыка, ароматъ и цвѣты были единственнымъ и постояннымъ содержаніемъ всей жизни? Этого также наивно требовать, какъ сказать человѣку: «будь всегда молодъ и свѣжъ!» или: «будь вѣчно веселъ!»

Итакъ, напрасны опасенія мужчинъ: человѣческая природа, совершенствуясь, не можетъ утратить такихъ свойствъ и качествъ, которыя присущи ей. Но совершенствоваться и разви-

ваться она должна: таковъ великій законъ, управляющій не только исторіею народовъ, но и всею органическою жизнію. Будемъ же вѣрить, что настанетъ и для женщины время, когда она вступитъ во всѣ права, принадлежащія свободному и разумному существу, когда рѣчь ея будетъ не за кулисами, а на сценѣ общественной жизни, когда она займетъ свое мѣсто въ исторіи цивилизаціи.....

Каковъ бы ни былъ приговоръ этого далекаго будущаго надъ судьбою женщины, она должна понять, что одно образованіе можетъ дать ей ту самостоятельность разума и ту гражданскую полноправность, которыми пользуется мужчина. Всякое другое равенство будетъ недѣйствительно.

Въ настоящее время, представляется для женщины возможность сдѣлать первые шаги навстрѣчу къ этому будущему, и поработать для собственнаго развитія. Существуетъ, какъ извѣстно, предположеніе устроить рядъ лекцій, или курсовъ, для женщинъ, и тѣмъ положить начало серіозному женскому образованію. Если проектъ этотъ осуществится, то откроется наконецъ для насъ доступъ къ знанію и къ практическому примѣненію его къ жизни.

Призываемъ же русскихъ женщинъ къ слушанію лекцій..... Будемте учиться, добросовѣстно и бодро, не забывая приэтомъ ни на минуту, что только образованіе можетъ сдѣлать насъ годными къ какому бы то ни было дѣлу: будетъ ли это воспитаніе дѣтей, серіозная научная цѣль, или скромное обученіе грамотѣ въ нашихъ народныхъ школахъ, или снискиваніе себѣ трудомъ средствъ къ жизни.

Въ заключеніе, воздадимъ хвалу, и принесемъ нашу искреннюю и горячую благодарность тѣмъ лицамъ, которыя взяли инициативу въ этомъ дѣлѣ, и содѣйствовали его будущему успѣху.

Екатерина С.

